

Происхождение финно-угорских (уральских) народов

Н. Ф. Мокшин
 заведующий кафедрой
 дореволюционной отечественной истории,
 археологии и этнографии
 ГОУВПО «МГУ им. Н. П. Огарева»,
 доктор исторических наук, профессор
 (г. Саранск, РФ)

42

«Финно-Угрия» – так с недавнего времени в среде не только ученых, но и широкой общественности, в средствах массовой информации стала именоваться совокупность народов, исконно говорящих на языках финно-угорской, или угро-финской, языковой семьи. В настоящее время эту совокупность составляют финны, эстонцы, мордва, марийцы, удмурты, коми-зыряне и коми-пермяки, карелы, вепсы, саамы, ливы, ижорцы, ингерманландцы, бесермяне, воль, ханты, манси и венгры. Вместе с группой самодийских народов (ненцами, энцами, нганасанами и селькупам) они образуют еще более обширную уральскую семью народов, представители которой ныне разрозненно обитают на огромной территории от Венгрии и Балтийского моря на западе до полуострова Таймыр на востоке, от Северного Ледовитого океана на севере до Дуная, Волги и среднего течения Иртыша на юге. Уральская языковая семья является той наиболее древней научно доказанной общностью, дальше которой до сих пор не удалось проследить генезис финно-угорских языков. Не раз выдвигавшиеся гипотезы о их родстве с индоевропейскими, алтайскими и некоторыми другими языками большинством ученых признаются недоказанными.

Начало классификации финно-угорских языков было положено в XVII в., когда немецкий ученый Мартин Фогель доказал родство финского, саамского

и венгерского языков. Более полно и обстоятельно эта классификация была обоснована в XVIII в. в трудах шведского ученого Филиппа Иоганна фон Страленберга, бывшего полтавского пленника, офицера. В России он был известен как Иван Филиппович Табберт, автор книги «Das nordund östliche Theil von Europa und Asia...», вышедшей в Стокгольме в 1730 г. на немецком языке. Подробно описав народы, известные в Западной Европе по ряду сочинений под общим именем «татары», Ф. Страленберг показал, что некоторые из них, проживающие в Восточной Европе и Северной Азии, неправильно считать татарами. К книге он приложил таблицу, сгруппировав в ней по лингвистическому принципу все эти народы, в том числе татарский, в шесть языковых классов: 1) финно-угорские; 2) тюркские; 3) самоедские; 4) калмыцкий, маньчжурский и тангутский; 5) тунгусские; 6) кавказские. К классу финно-угорских языков Страленберг отнес финский, венгерский, мордовский, марийский, пермяцкий, удмуртский, хантыйский и мансийский, отметив, что предки народов, говорящих на этих языках и живущих частью в Европе, частью

Уральская языковая семья является той наиболее древней научно доказанной общностью, дальше которой до сих пор не удалось проследить генезис финно-угорских языков. Не раз выдвигавшиеся гипотезы о их родстве с индоевропейскими, алтайскими и некоторыми другими языками большинством ученых признаются недоказанными.

в Азии (в Сибири), в древности обитали в одном месте и составляли один народ.

Выводы М. Фогеля и Ф. Страленберга о родстве финно-угорских языков, их происхождении от «всеобщего начала», «одного начала» были поддержаны, конкретизированы, развиты дальше в трудах русских ученых XVIII в. В. Н. Татищева, П. И. Рычкова, М. В. Ломоносова и др. Остановимся подробнее на вкладе последнего в исследование финно-угорских народов.

Великий русский ученый-энциклопедист был выразителем принципиально важной идеи о том, что в формировании русского народа принимали участие не только «славенские», но и «чудские» (т. е. финно-угорские) племена: «...и то правда, что от переселений и дел военных немалое число чудского поколения соединилось со племенем славенским и участие имеет в составлении российского народа» [10, 295]. М. В. Ломоносов справедливо полагал, что территория расселения финно-угорских народов, или «чуди», в прошлом была значительно больше: «Многие области, которые в самодержавство первых князей российских чудским народом обитаемы были, после славянами наполнились. Чуди часть с ними соединилась, часть, уступив место, уклонилась далее к северу и востоку. Показывают сие некоторые остатки чудской породы, которые, по словесным преданиям, от славенского

Великий русский ученый-энциклопедист был выразителем принципиально важной идеи о том, что в формировании русского народа принимали участие не только «славенские», но и «чудские» (т. е. финно-угорские) племена.

поколения отличаются, забыв употребление своего языка. От сего не токмо многих сел, но рек и городов и целых областей чудские имена в России, особливо в восточных и северных краях, поныне остались. Немалое число чудских слов в нашем языке обще употребляется» [10, 173].

М. В. Ломоносов отмечал, что «в Сибири издревле жители были чудского поколения» [10, 202]. На востоке, по его мнению, находилась и первоначальная территория угров, которые, теснимые татарами, позднее передвинулись на запад. С глубоким уважением он писал о «чудских» народах, как западных, так и восточных, об их древней культуре и общении со славянами, в результате чего еще в древности происходило взаимное слияние тех и других: «...уже и тогда чудь со славянами в один народ по некоторым местам соединилась. После того в первые христианские

Участники V Международного конгресса финно-угроведов. Турку, Финляндия, 1980 г.

Х. Сарв и Н. Ф. Мокшин в совместной мордовско-эстонской экспедиции. С. Мордовский Пимбур Zubovo-Полянского района, Мордовия, 1984 г. Фото Ю. Карма

Финно-угорские языки доныне обладают общими чертами в грамматике, фонетике, а также лексике, восходящими к единому источнику – к финно-угорскому языку-основе, на котором говорили древние финно-угорские племена.

времена и в средние веки еще много больше меж ними совокупление воспоследовало» [10, 201].

Подчеркивая родство «чудских» языков, М. В. Ломоносов указывал: «Ливония, Естляндия, Ингрия, Финния, Карелия, Лапония, Пермия, черемиса, мордва, вотяки, зыряне говорят языками, немало сходными между собою, которые хотя и во многом разнятся, однако довольно показывают происхождение свое от одного начала. Сверх сего, сильная земля Венгерская хотя от здешних чудских областей отделена великими славенскими государствами, то есть Россиею и Польшею, однако не должно сомневаться о единоплеменстве ее жителей с чудью, рассудив одно только сходство их языка с чудскими диалектами. Что подкрепляется еще их выходом из сторон, где

и поныне чудские поколения обитают, их остатки» [10, 195].

Научные выводы М. В. Ломоносова до сих пор не потеряли принципиального теоретико-методологического значения в деле изучения этногенеза и этнической истории как славянских, так и финно-угорских народов. Многие из них были дополнены, конкретизированы в работах отечественных и зарубежных ученых.

После того как были определены общие черты «чудских», или финно-угорских (шире – уральских), языков, возникла проблема объяснения причин их столь широкого распространения, выявления первоначальной их прародины. Исследователями установлено немало общих черт уральских и алтайских (тюркских, тунгусо-маньчжурских и монгольских) языков, распространенных преимущественно в Азии. По этой причине многие финно-угроведы стали считать, что ареал первоначального бытования уральских языков локализовался именно там, на востоке, в обширном регионе Урала. Здесь же обитал и уральский пранарод, который говорил на уральском праязыке, или языке-основе, создатель уральской пракультуры, обладавший единым физическим обликом, характеризующийся ныне в качестве уральской расы. «То была уральская праэпоха, – отмечает эстонский лингвист А. Кюннап, –

которая завершилась не ранее чем 8 000 и не позднее чем 6 000 лет назад. Затем началась миграция, в основном на запад. Постепенно, в течение тысячелетий, потомки уральского пранарода расселялись все западнее и западнее, пока не достигли берегов Балтики» [8, 8].

Согласно такому взгляду со временем происходило разветвление уральского пранарода и соответственно уральского праязыка, аналогично тому как ствол дерева разветвляется на все более и более тонкие ветки. Этот процесс изображается в виде «языкового древа» с единым уральским языковым стволом, разделившимся на две основные ветви, символизирующие финно-угорский и самодийский праязыки, каждый из которых, в свою очередь, через промежуточные праязыки разветвляется вплоть до современных языков. Финно-угорский праязык разделился первоначально на угорский и финно-пермский праязыки, последний – на пермский и финно-волжский, который в дальнейшем раздвоился на финно-саамский и волжский; в конце концов, выделились саамский и прибалтийско-финский праязыки. Так процесс зарождения уральских языков видится во времени.

Поскольку первое разделение финно-угорских языков произошло несколько тысяч лет назад и даже ветви разделились на отдельные языки весьма давно, сегодня почти не существует таких структурных особенностей, которые являлись бы одинаково характерными для всех современных финно-угорских языков. Каждый из них, естественно, сохранил некоторые особенности языка-основы, но вместе с тем приобрел и новые черты как в результате взаимодействия с языками других семей, так и в процессе самостоятельного развития.

Финно-угорские языки доньше обладают общими чертами в грамматике, фонетике, а также лексике, восходящими к единому источнику – к финно-угорскому языку-основе, на котором говорили древние финно-угорские племена. Так, в современных мордовских языках имеется ряд корневых слов, происшедших из финно-угорского языка-основы. Эти слова, общие для многих финно-угорских языков, встречаются в самых различных сферах лексики: местоимениях, числительных, названиях частей тела, флоры, фауны и т. п. (таблица).

Финно-угорский язык-основа, вероятно, с самого начала членился на территориальные диалекты. В ходе расселения по обширной территории Восточ-

ной Европы и Западной Сибири носители отдельных диалектов стали постепенно отделяться от основной массы финно-угров, теряя связь с последними, что предопределило эволюцию диалектов в самостоятельные языки.

В настоящее время между финно-угорскими языками разных ветвей существуют значительные различия, почти как и между языками отдельных ветвей индоевропейской семьи языков, например французским и немецким. С другой стороны, и близость языков, относящихся к одной ветви, друг к другу, анологична.

Народы, говорящие на финно-угорских языках, в течение всей своей истории соприкасались с соседними народами, на что указывают многочисленные заимствования как во всей языковой семье, так и в отдельных ветвях и языках. Судя по языковым заимствованиям, этническая общность, говорившая на финно-угорском языке-основе, в течение тысячелетий пребывала в соседстве с индоиранцами. Часть заимствований проникла в общепинно-угорский язык еще из доиндоиранского языка (например, название свиньи: у. *парсь*, э.-морд. *пурсэз*, м.-морд. *пурхи*, ф. *porsas*; название меда: к. *ма*, ф. *mesi*); другая часть, более позднего происхождения, попала из общеиндоиранского языка (например, слова, обозначающие сто: у. *сю*, э.-морд. *сядо*, м.-морд. *сяда*, ф. *sata*, в. *száz*; рог – у. *сюр*, мар. шур, э.-морд. *сюро*, м.-морд. *сюра*, ф. *sarvi*, в. *szarv* и т. д.).

Те или иные ветви финно-угорских языков, по мере их образования, а затем и отдельные языки, точнее их носители, в течение всей своей этнической истории имели контакты со своими этническими соседями, что подтверждается языковыми заимствованиями. Так, в прибалтийско-финском языке-основе выделяются балтийские заимствования, проникшие сюда в последние столетия до н. э.; второй пласт таких составляют древнегерманские заимствования, которые начали проникать на рубеже нашей эры; третий пласт – древнеславянские заимствования (V–VIII вв. н. э.), появившиеся уже после распада прибалтийско-финского языка-основы.

Удмуртский, коми- и марийский языки восприняли известное число как древнечувашских (VII–XIII вв.), так и более поздних по происхождению слов чувашского языка. Мордва и марийцы соприкасались с восточными группами древних балтов, особенно с

Слова, общие для финно-угорских языков

Русский	Мордовский	Марийский	Коми	Финский	Эстонский	Венгерский
Четыре	Ниле	Ныл	Нель	Neljä	Neli	Negy
Рука	Кедь, кядь	Кид	Ки	Käsi	Käsi	Kez
Язык	Кель	Калык	Кыв	Kieli	Keel	Nyelv
Печень	Макса, максо	Мокш	Муск	Maksa	Maks	Máj

Мордовская комплексная экспедиция Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Макля АН СССР в пути, 1956 г. Справа налево: Л. М. Сабурова (Ленинград), К. Марк (Таллин), Коведяева-Шелова, М. Ф. Жиганов, А. Воронина, А. П. Феоктистов, шофер Хабир, Н. Ф. Мокшин, в кузове: В. Г. Демьянов, Г. И. Горбунов

галиндами (в русских летописях называвшихся голядью). На марийский, удмуртский и мордовские языки ощутимо повлиял болгарский (X–XIII вв.), а затем и татарский язык. Карелы и вепсы, некогда обитавшие в непосредственном соседстве с коми (X–XV вв. н. э.), оказали заметное влияние на коми-язык; наконец, все восточнофинские языки испытали таковое со стороны восточных славян, особенно русских, с которыми они живут бок о бок в течение ряда столетий. Иногда происходила и смена языков. Например, саамы первоначально говорили на одном из самодийских языков, а финно-угорскую речь восприняли от своих южных соседей не позднее общеприбалтийско-финской эпохи.

Языки финно-угорских народов в период обособленной жизни продолжали свое развитие. В результате они настолько сильно отошли друг от друга, что сохранили от финно-угорского языка-основы сравнительно небольшой массив в виде некоторых общих грамматических черт, слов общего происхождения и звукосоответствий. Некоторые исследователи склонны считать подлинно финно-угорскими лишь языки центральной части уральского языкового про-

странства, а именно волжские и пермские. Языки, расположенные западнее (прибалтийско-финские и саамские), они рассматривают в качестве переходного ареала к индоевропейским, а восточнее (угорские и самодийские) – как языки переходного ареала к различным языкам Сибири (тунгусо-маньчжурским, тюркским и др.).

Изображение процесса происхождения и расселения финно-угорских (шире – уральских) языков и их носителей – народов в виде «языкового дерева» стало традиционным, хотя в последнее время предложены другие варианты, например принцип матрешки, когда из очередной матрешки в определенный момент появляется новая и располагается западнее предыдущей. Однако и этот принцип выглядит сегодня чересчур упрощенно, альтернативой ему может служить принцип «куста» или «грабель», при котором современные уральские языки возводятся непосредственно к уральскому праязыку, без промежуточных праязыковых разветвлений. Правда, и он представляется довольно односторонним, свидетельствуя о том, что хотя современное уральское языкознание и верит в существование некогда единого источника всех ураль-

ских языков (место соединения ветвей «куста» или прикрепления зубьев «грабель»), но географический ареал, этническое происхождение, культурная сущность и даже расовая принадлежность их носителей поныне остаются во многом гипотетичными [8, 9].

Исследование этногенеза и этнической истории любого народа, а тем более совокупности родственных народов – комплексная проблема. Не случайно ее изучением занимаются представители многих наук: языковеды, антропологи, этнографы, археологи, историки и т. д. Мы рассмотрели вкратце вопрос о происхождении финно-угорских народов в свете данных языкознания. Рассмотрим теперь, как эта проблема выглядит в свете данных другой науки – антропологии, которая, как известно, занимается исследованием не только антропогенеза и расогенеза, но и этногенеза, антропологической классификации народов.

Широкое развертывание полевых антропологических исследований в XX в. привело к тому, что сейчас все народы России, говорящие на финно-угорских языках, в этом отношении хорошо изучены.

Антропология располагает прямыми свидетельствами физического типа древнего населения в виде костных останков людей ранних эпох. Эти свидетельства, а также промежуточное положение антропологического типа большинства финно-угорских народов между представителями европеоидной и монголоидной рас говорят о том, что население, составлявшее ядро финно-угорской языковой общности, сформировалось на территории, расположенной между ареалами европеоидов и монголоидов. Граница между ними сейчас практически совпадает с границей между Европой и Азией.

На основании палеоантропологических материалов можно утверждать, что в эпоху неолита и бронзы европеоиды имели более широкое распространение, занимая степи Казахстана и Южной Сибири. В северных лесных регионах граница между ареалами европеоидов и монголоидов, по-видимому, за несколько последних тысячелетий существенно не изменилась. Таким образом, Приуралье, Западная и Южная Сибирь – наиболее вероятная территория формирования предков современных финно-угорских народов, как об этом можно судить на основании анализа антропологических материалов. Эта точка зрения соответствует и современному уровню разработки других видов исторических источников.

В настоящее время никто из исследователей финно-угорских народов не поддерживает мнение Ф. Видемана и М. Кастрена, полагавших, что первоначальная прародина финно-угров находилась далеко на востоке, в предгорьях Алтая и Саян, как и гипотезу немецкого археолога Г. Коссины, размещавшего предков финно-угров в Центральной Германии и Скандинавии.

Вторая важная проблема антропологии финно-угорских народов – проблема происхождения их

Языки финно-угорских народов в период обособленной жизни настолько сильно отошли друг от друга, что сохранили от финно-угорского языка-основы сравнительно небольшой массив в виде некоторых общих грамматических черт, слов общего происхождения и звукосоответствий.

антропологического состава. Еще автор первой тщательно разработанной классификации человеческих рас И. Е. Деникер выделил финские и угорские народы Поволжья и Западной Сибири под именем угорской расы, позже получившей наименование уральской. В пользу гипотезы смешанного происхождения этой расы высказались ряд авторитетных специалистов, и она стала чуть ли не общепризнанной. Но в середине прошлого века гипотеза вызвала возражения как фактического, так и теоретического порядка со стороны видного отечественного антрополога В. В. Бунака. Он предположил, что древнее и современное население Западной Сибири и Поволжья, промежуточное по своему морфологическому типу между представителями европеоидной и монголоидной рас, образовалось не в процессе их смешения, а в результате сохранения очень древнего недифференцированного типа, который характеризовался как монголоидными, так и европеоидными особенностями и имел самостоятельное происхождение.

Однако указанная точка зрения, в свою очередь, подверглась критике (Г. Ф. Дебеч, В. П. Алексеев). Было отмечено, что при решении проблем этногенеза большинства финно-угорских народов следует

Марийский фольклорист Л. С. Тойдыбекова в экспедиции. Медведевский район, Марий Эл, 1985 г.

исходить из гипотезы их смешанного происхождения, не исключая, правда, полностью того обстоятельства, что недифференцированные комбинации также могли сыграть определенную роль в этом процессе. Нужно учитывать такие факты, как наличие небольшой монголоидной примеси у прибалтийских финноязычных народов, заметное увеличение доли монголоидного компонента в составе поволжских финноязычных народов по сравнению с прибалтийскими и т. д.

Наконец, третьей проблемой антропологии финно-угорских народов является выяснение их взаимной близости между собой, с одной стороны, и каждого из них с окружающими народами – с другой, иными словами, оценка степени генетической близости народов разных ветвей финно-угорской языковой семьи и их соседей. Для прибалтийских финнов таковыми оказываются народы, говорящие на летто-литовских и германских языках, для поволжских финнов – различные территориальные группы русского и тюркоязычных народов региона, для угров Западной Сибири – самодийские народы и кеты. Успешное решение вопросов этнической истории финно-угров требует, следовательно, привлечения антропологических данных по всем этим группам.

Промежуточное положение антропологического типа большинства финно-угорских народов между представителями европеоидной и монголоидной рас говорит о том, что население, составлявшее ядро финно-угорской языковой общности, сформировалось на территории, расположенной между ареалами европеоидов и монголоидов.

Среди современных финно-угорских народов имеются различные антропологические типы. Это ощутимо затрудняет выяснение вопросов о расовой принадлежности далеких предков финно-угров. Можно полагать, что было время, когда все они были антропологически более сходными между собой, чем ныне, но смешение с разными другими племенами и народами значительно изменило первоначальный облик многих финно-угорских этносов.

Для освещения указанных процессов прежде всего надо иметь ясное представление о расовом составе современных финно-угорских народов. Такое обследование было проведено. Особо большой вклад в это дело внесла Карин Марк – видный эстонский антрополог.

Из финно-угорских народов признаки большой монголоидной расы наиболее отчетливо выражены у обских угров. У них сравнительно слабый рост

бороды, расположение оси глаз часто наклонное, встречается эпикантус (прикрытие складкой верхнего века слезного бугорка), лицо уплощенное, скулы выступающие, переносье пониженное. Классических представителей большой монголоидной расы среди финно-угорских народов в настоящее время нет, но обские угры отличаются сильной монголоидной примесью – они стоят ближе к монголоидам, чем к европеоидам.

Довольно заметная монголоидная примесь (но не выше 50 %) наблюдается у многих групп волжских и пермских финно-угров – марийцев, удмуртов, коми-пермяков, южных коми-зырян, северной мордвы-мокши, а также у кольских саамов. В этом отношении с ними сходно большинство тюркоязычных народов Среднего Поволжья.

Преобладанием европеоидного компонента при слабой монголоидной примеси характеризуются большинство коми-зырян, южные группы мордвы-мокши, часть мордвы-эрзи, а также карелы, ижорцы, вепсы и финны на востоке Финляндии. К европеоидам без монголоидной примеси относятся большинство финнов, эстонцев, часть мордвы-эрзи и, очевидно, венгры.

Кроме признаков первого порядка весьма существенны признаки пигментации. Цвет кожи у всех финно-угров светлый. Цвет волос и глаз варьируется от самых светлых оттенков (у прибалтийских финнов, мордвы-эрзи и коми-зырян) до довольно темных (у обских угров). Однако даже у обских угров глаза и волосы не являются совершенно темными. Среди хантов, например, темные волосы встречаются у 76 %, темные глаза – у 42 %. Отчасти в Среднем Поволжье и особенно в Приуралье, а также в Западной Сибири и на Крайнем Севере Европы распространена уральская раса, или урало-лапоноидная группа типов, занимающая промежуточное положение между монголоидами и европеоидами. Для нее характерны сравнительно небольшой рост, среднепигментированные или темные волосы и смешанные по пигментации глаза. Часто встречается вогнутая спинка носа.

Основная часть финно-угорских народов принадлежит к большой европеоидной расе. Среди них преобладают северные депигментированные европеоиды. Южные, темнопигментированные, европеоиды встречаются только у южных групп мордвы, а также у венгров.

Северные европеоиды делятся на две расы – атланти-балтийскую и беломорско-балтийскую. Беломорско-балтийская раса отличается небольшой монголоидной примесью. Ареал этой расы занимает обширную территорию на севере Восточной Европы. Сюда относятся большинство прибалтийских финнов, коми-зырян и некоторые группы мордвы-эрзи. Основной ареал атланти-балтийской расы тяготеет

На фото слева направо: профессор Ю. П. Смирнов (Чебоксары), профессор П. И. Пучков (Москва), доцент Е. Н. Мокшина (Саранск), профессор Н. И. Корнилов (Чебоксары), профессор Н. Ф. Мокшин (Саранск), доцент Ю. Н. Мокшина (Саранск), профессор А. С. Лузгин (Саранск). Чебоксары, 2004 г.

к северо-западу Европы. Его восточная периферия охватывает западную и юго-западную Финляндию, западную Эстонию и Латвию. Для представителей расы кроме отчетливо выраженных европеоидных признаков и светлой пигментации волос и глаз характерны большая длина тела, массивность, сравнительно высокое лицо и узкий нос с прямой спинкой. Те же признаки наблюдаются у большинства групп мордвы-эрзи. Этот особый тип атланта-балтийской расы К. Марк предложила назвать сурским.

Таким образом, среди современных финно-угорских народов наиболее широко распространены две расы – беломорско-балтийская и уральская – обе с примесью монголоидных элементов. Беломорско-балтийская раса по многим антропологическим признакам, так же как и территориально, занимает промежуточное положение между типами уральской и атланта-балтийской рас и образовалась, очевидно, в процессе смешения древних форм названных рас.

Происхождение атланта-балтийской расы, по всей вероятности, связано с поздненеолитическими пле-

менами культуры боевых топоров, которые пришли в Восточную Прибалтику во II тыс. до н. э., и фатьяновскими племенами, проникшими в то же время в Среднее Поволжье. Носители этих культур были европеоидами. Языковые данные подтверждают, что в прибалтийско-финских и финно-волжских языках имеются балтийские заимствования, относящиеся, возможно, к этому времени. Контакт волжских и пермских финнов, а также угров с иранскими племенами усилил европеоидный, но менее депигментированный компонент среди названных финно-угров. Таким образом, можно считать, что до этого у древних финно-угров монголоидная примесь была сильнее. И действительно, многие черепа носителей культур ямочно-гребенчатой керамики имели заметную монголоидную примесь. А они считаются общими предками финно-угорских народов.

Можно предположить также, что в Прибалтике и в Волго-Окском междуречье древний субстрат был европеоидным и не связан с финно-уграми. Древние же финно-угры, будучи представителями уральской

Профессор Л. И. Никонова в этнографической экспедиции. 2009 г.

расы, по мере расселения на запад смешивались с местными европеоидами, становились все более европеоидными.

Рассмотрим еще один аспект, сопряженный с проблемой этногенеза и этнической истории финно-угорских народов и касающийся их участия в формировании восточнославянских народов, в особенности русского. Принимали ли неславянские народы, в частности финские, участие в образовании русского народа? По этому вопросу давно уже наметились две противоположные точки зрения, имеющие политико-националистическую почву и одинаково неверные: великодержавно-великорусская и антирусско-польская [17, 28]. Первая была ярко выражена еще в первой трети XIX в. русским историком Н. А. Полевым, автором двухтомной монографии «История русского народа», утверждавшим, что финны не принимали участия в формировании русского народа: «Прозябая неподвижно на местах, ими издревле занимаемых даже и ныне, финны могут ли быть почтены народом, входящим в состав гражданского нашего общества? – вопрошал автор и тут же отвечал: – Нимало: это волчцы и дикие травы, растущие по нивам, засеянным животворными хлебными растениями» [14, 63].

Несколько смягченная та же точка зрения встречается и в некоторых публикациях советского времени. Так, Д. К. Зеленин в статье «Принимали ли финны

участие в формировании русской народности» в конце 1920-х гг. выступил с тезисом о том, что в образовании русского народа и его культуры неславянское, в том числе финское, население никакого участия не принимало. Признавая, что «великорусская народность, подобно всем решительно нациям земного шара, смешанного происхождения», Д. К. Зеленин отрицал участие в ее формировании финно-угорского компонента. «Массовое обрусение финнов, – писал он, – началось сравнительно очень поздно, долго спустя после того, как великорусская народность уже сложилась... Равным образом, никаких ощутимых следов слияния их (славян. – Н. М.) с финнами ни диалектология, ни этнография в великорусском народе не находят, и только антропология еще не сказала своего последнего слова» [5, 98].

В обоснование своего тезиса Д. К. Зеленин приводил несколько аргументов: большинство зафиксированных в летописях финских племен существует до сих пор, даже обрусевшие финны помнят о своем происхождении; в культуре и языке великорусов практически нет следов финского влияния, а сравнение с другими восточными славянами позволяет заключить, что культурные особенности северных великорусов являются «простым развитием общевосточнославянской культуры применительно к северной природе» [5, 107].

Ошибочность данной гипотезы была показана в статьях С. П. Толстова «К проблеме аккультурации» и М. Т. Маркелова «К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских», опубликованных в 1930 г. в журнале «Этнография». «Категорический ответ “да” или “нет” в поставленной автором (Зелениным. – Н. М.) проблеме, – писал, например, М. Т. Маркелов, – не раскроет нам компонентов ни финской, ни русской культуры вообще. Лишь внимательный анализ каждого культурного явления в отдельности без патриотического “кто у кого” в состоянии пролить свет на истинный генезис этого явления, на способы возникновения культурных ценностей и, наконец, на степень проявления творческих усилий отдельных соседствующих народов в создании той или иной культуры современности» [11, 62].

Данная проблема, очевидно, продолжала интересовать Д. К. Зеленина, который в 1947 г. предложил но-

Основная часть финно-угорских народов принадлежит к большой европеоидной расе. Среди них преобладают северные депигментированные европеоиды. Южные, темнопигментированные, европеоиды встречаются только у южных групп мордвы, а также у венгров.

Среди современных финно-угорских народов наиболее широко распространены две расы – беломорско-балтийская и уральская.

вую трактовку. Признав наличие многих общих черт в одежде мордвы, марийцев, коми и русских (сороку, поневу, шушпан, обычай носить височные кольца и др.), он, однако, объяснял этот факт не славяно-финским взаимодействием, а конвергентным возникновением некоторых наиболее древних элементов у обеих групп, с одной стороны, а с другой – воздействием европейской моды, которому адекватно подвергались как те, так и другие [6, 81–90].

В противовес великодержавно-великорусскому взгляду еще в середине XIX в. был выдвинут противоположный, согласно которому русский народ по своему происхождению не является славянским. Такой взгляд особенно рьяно защищался известным польским публицистом Ф. Духинским, который в своих работах, написанных в эмиграции в Париже, доказывал, что русские – вообще не славянский народ, а представляют собой помесь финнов и тюрков, усвоившую некоторое подобие славянского языка. Данное утверждение, вышедшее из кругов польской эмиграции в годы ожесточенной национальной борьбы, имело целью пресечь поползновения царского правительства подчинить себе славянские народы под знаменем панславизма. И в позднейшее время, даже в советской литературе, оно нашло своих последователей. Одним из видных представителей в их ряду был М. Н. Покровский, который хотя и не страдал никаким национализмом, писал и повторял, что в жилах современных русских течет не менее 80 % финской крови [12, 28; 13, 235–250]. Эта точка зрения является столь же односторонней и ошибочной, как и точка зрения о чисто славянском происхождении русского народа [17, 28].

Гораздо более верную позицию занимал В. О. Ключевский, отмечавший, что образование великорусского племени связано с колонизацией славянами из Поднепровья бассейна Оки и Верхней Волги и было результатом смешения славянских и местных финских компонентов. Констатируя, что «вопрос о взаимодействии руси и чуди, о том, как оба племени, встретившись, подействовали друг на друга, что одно племя заимствовало у другого и что передало другому, принадлежит к числу любопытных и трудных вопросов нашей истории», В. О. Ключевский заключает, что «Русь, селясь среди туземной Чуди, неизбежно должна была путем общения, соседства кое-что заимствовать из ее быта», в то время как «Чудь, постепенно русея, всею своею массою, со всеми своими антропологическими и этнографическими особенностями, со своим обличьем, языком, обычаями и верованиями

входила в состав русской народности. Тем и другим путем в русскую среду проникло немало физических и нравственных особенностей, унаследованных от растворившихся в ней финнов» [7, 296–297].

Говоря об антропологическом типе великороссов, В. О. Ключевский отмечал: «Наша великорусская физиономия не совсем точно воспроизводит общеславянские черты. Другие славяне, признавая в ней эти черты, однако замечают и некоторую стороннюю примесь: именно, скулистость великоросса, преобладание смуглого цвета лица и волос и особенно типический великорусский нос, покоящийся на широком основании, с большой вероятностью ставят на счет финского влияния» [7, 297].

Историческая гипотеза об участии значительного финского элемента или субстрата в образовании русского народа получила новые основательные подтверждения в результате антропологических исследований, проведенных в Советском Союзе. Резюмируя их итоги, академик В. П. Алексеев писал: «Итак, финский элемент вошел в состав русского народа в значительной пропорции, – вот историческая гипотеза, следующая из антропологических сопоставлений. Она не нова: многие историки и этнографы защищали ее, приводя исторические и этнографические аргументы, во многом убедительные, но каждый раз оспаривавшиеся. В антропологии эта старая гипотеза получает еще одно подтверждение, подтверждение серьезное, основательное, сразу выводящее ее на первую линию обсуждения» [1, 297].

Во второй половине XIX – начале XX в. развернулись массовые раскопки археологических памятников, охватившие почти все регионы древнего и средневекового финно-угорского и славяно-финского расселения, а во второй половине XX в. была по существу сформирована современная система представлений об этнической истории автохтонных этнических общностей, о процессе древнерусского освоения как северных, так и поволжско-уральских территорий и о характере славяно-финно-угорского взаимодействия с существенной опорой на археологические источники. Вместе с тем обращение к современному состоянию проблемы показывает, что многие ее стороны освещены еще явно недостаточно. Древности различных финно-угорских сообществ изучены неравномерно, археологическая информация о некоторых из них пока представлена минимальным объемом материала, что предопределяет сохраняющуюся дискуссионность в этнической интерпретации ряда не только древних, но и средневековых памятников.

Археологические данные для определения роли чудского субстрата в этногенезе русского народа впервые были использованы А. С. Уваровым. Выдвинув тезис о принадлежности преобладающей части исследованных им владимирских курганов летописной мере, быстрое обрусение которой началось «почти

Открытие этнографического музея им. М. Е. Евсевьева в средней школе с. Волгапино Ковылкинского района. Мордовия, 2004 г.

в доисторические для нас времена», он тем самым констатировал наличие весьма значительной «примеси финской крови» в населении будущего великорусского центра [18, 646, 649].

В конце XIX – начале XX в. огромную работу по систематизации славянских и финно-угорских древностей проделал А. А. Спицын. В итоге сравнительного анализа он пришел к выводу о древнерусском в целом облике культуры крупных курганных регионов в северо-западных и северо-восточных областях Руси, хотя и с некоторыми оговорками. Так, относительно суздальцев и владимирцев А. А. Спицын писал, что они «образовывали смешанное население, быть может, с преобладанием инородческой крови» [16, 9]. В еще большей степени финский субстрат выражен в «полумерянской» курганной культуре Костромского Поволжья, сами же курганы, как полагал исследователь, принадлежат сильно русифицированному чудскому племени [15, 12].

В монографии «Железный век Восточной Европы», опубликованной в 1930 г., Ю. В. Готье предпринял

попытку воссоздания общей картины развития финно-угорских племен Восточной Европы с использованием данных археологии. Это исследование считается первым обобщающим трудом, посвященным анализу этнических процессов, протекавших на огромных пространствах Восточно-Европейской равнины во времена, получившие в археологии и истории первобытного общества название железного века. Ю. В. Готье признавал мирный характер древнерусского освоения северных территорий. «Не заметно следов войны, покорений, – писал он. – Видно проникновение, постепенное занятие лучших в хозяйственном отношении мест, возможный уход части финнов куда-то далее в иные места и постепенная ассимиляция оставшегося населения» [3, 223]. Анализируя курганные материалы Владимирской земли и Костромского Поволжья, ученый обратил внимание на смешанный характер культуры Северо-Восточной Руси «с сильным финским оттенком, но столь же несомненным славянским налетом, причем механически разделить оба элемента невозможно» [3, 221].

Значительный вклад в разработку проблемы происхождения финно-угорских народов внесли отечественные археологи А. П. Смирнов, О. Н. Бадер, П. П. Третьяков, В. В. Седов, А. Х. Халиков, П. А. Макаров, В. Ф. Генинг, Р. Д. Голдина, Т. Б. Никитина, Г. А. Архипов, А. Л. Монгайт, А. Е. Рябинин, Х. А. Моора, Л. А. Голубева, Г. А. Панкрушев, А. Н. Кирпичников, С. И. Кочуркина, Ю. А. Краснов, Е. П. Казаков, Н. В. Трубникова, А. Е. Алихова, А. Е. Леонтьев, В. С. Патрушев и др. В исследованиях последних десятилетий все большее внимание уделяется комплексному анализу различных видов источников. В настоящее время намечены общие контуры этногенетических и этнокультурных процессов, приведших к формированию народов финно-угорской (уральской) этнолингвистической общности, их взаимоотношений с этническими общностями – носителями языков, принадлежащих к другим лингвистическим системам; общепризнан сам факт включения значительного финно-угорского компонента в состав славянского населения северных и центральных районов России. Тем не менее вопрос о «встрече руси и чуди», поставленный отечественной историографией более полутора столетий назад, и поныне остается в эпицентре самого пристального внимания не только научной, но и социокультурной общественности, в том числе деятелей литературы и искусства.

Еще во времена В. О. Ключевского великий русский поэт А. А. Блок, адресуясь к «финской Руси», писал: «Знала ли что? Или в бога ты верила? / Что там услышишь из песен твоих? / Чудь начудила, да Меря намерила / Гатей, дорог да столбов верстовых...» [2, 361–364]. А несколько позднее другой, не менее великий, русский поэт С. А. Есенин скажет: «Затерялась Русь в Мордве и Чуди» [4, 44]. В настоящее время все острее встает проблема обратная, а именно, как

отметил финский этнодемограф С. Лаллука [9, 92], «эрозии» финно-угорских народов РФ в составе русского этноса, их обрусения, подтверждением чему стали и данные Всероссийской переписи 2002 г., зафиксировавшей значительное сокращение численности многих из них.

Таким образом, надежное обеспечение будущего финно-угорских (шире – уральских) народов Российской Федерации, гармоничного развития финно-угорского мира как сегмента этносферы планеты Земля, его комфортности на ней – одна из насущных проблем современности.

СОКРАЩЕНИЯ

в. – венгерский;
к. – коми;
мар. – марийский;
м.-морд. – мокша-мордовский;
у. – удмуртский;
ф. – финский;
э.-морд. – эрзя-мордовский

Ключевые слова / keywords:

раса; этнос; этногенез; родственные народы; финно-угорские (уральские) народы; финно-угорские (уральские) языки

race; ethnicity; ethnogenesis; related peoples; Finno-Ugric (Uralic) peoples; Finno-Ugric (Uralic) languages

Поступила 10.09.2009

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алексеев, В. П. В поисках предков. Антропология и история / В. П. Алексеев. – М.: Наука, 1972.
2. Блок, А. Избранное / А. Блок. – М.: Правда, 1978.
3. Готье, Ю. В. Железный век Восточной Европы / Ю. В. Готье. – М.; Л., 1930.
4. Есенин, С. Не жалею, не зову, не плачу: стихотворения, поэмы / С. Есенин. – М.: Эксмо, 2008.
5. Зеленин, Д. К. Принимали ли финны участие в формировании русской народности? // Сб. ЛОИКФУН. – Л., 1929. – Ч. 1.
6. Зеленин, Д. К. Общие элементы в древних финских и русских костюмах // Учен. зап. ЛГУ. Сер. востоковедческих наук. Вып. 2. Советское финноугроведение. – Л., 1948.
7. Ключевский, В. О. Курс русской истории: соч. в 8 т. / В. О. Ключевский. – М.: Госполитиздат, 1956. – Т. 1, ч. 1.
8. Кюннан, А. Уральские языки. Их происхождение и судьба // Восточный путь. – 1996. – № 2.
9. Лаллука, С. Динамика изменения численности финно-угорских народов России после 1959 г. // Нестор. – СПб., 2007. – № 10.
10. Ломоносов, М. В. Краткий Российский летописец с родословием // ПСС. – М.; Л., 1952. – Т. 6.
11. Маркелов, М. Т. К вопросу о культурных взаимоотношениях финнов и русских // Этнография. – 1930. – № 1–2.
12. Покровский, М. Н. Возникновение Московского государства и «великорусская народность» // Историк-марксист. – 1930. – № 18–19.
13. Покровский, М. Н. Русская история с древнейших времен / М. Н. Покровский. – М., 1933. – Т. 1.
14. Полевой, Н. А. История русского народа / Н. А. Полевой. – 2-е изд. – М., 1830. – Т. 1.
15. Рябинин, Е. А. Финно-угорские племена в составе древней Руси / Е. А. Рябинин. – СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1997.
16. Спицын, А. А. Древности Иваново-Вознесенской губернии / А. А. Спицын. – Иваново-Вознесенск, 1924.
17. Токарев, С. А. Этнография народов СССР / С. А. Токарев. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958.
18. Уваров, А. С. Меряне и их быт по курганным раскопкам // Тр. 2-го Археол. съезда. – М., 1871. – Т. 2.

